

ВОЛШЕБНИК

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. КАЧАЛОВА

ЭТО БЫЛО в 1900 году.

Молодой, двадцатипятилетний актер с удивительным голосом, в облике серебристого царя Берендея рассказывал о радостной стране берендеев, о вечном прекрасном боге Ярило. Зачарованные пленительной сказкой, взрослые зрители превращались в детей.

Царь Берендей — первая роль, сыгранная Качаловым на сцене Московского художественного театра, куда он приехал по приглашению из провинции. Л. В. Собинов, готовивший тогда партию царя Берендея в опере Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка», увидев Качалова в этой роли, писал с восторгом:

«Качалов фигурой, голосом, интонацией дает то, что мне всегда хотелось в опере; столько мягкости, добродушия, какого-то патриархального величия в его Берендее». И в создании образа своего оперного царя Собинов, тогда уже известный певец, пошел за начинающим актером Качаловым. Людей постоянно влекло к этому скромному, простому человеку, и в общении с ним они обретали радость, чувство полноты жизни.

В чем же заключался секрет обаяния В. И. Качалова?

На этот вопрос очень хорошо отвечает К. С. Станиславский в письме к великому актеру:

«Счастливец! Вам дано высшее, что природа способна дать артисту: сценическое обаяние. Оно проявляется и в Вашем таланте, и в уме, и во всей Вашей личности. С этим волшебным даром Вы побеждаете людей всего мира, и в том числе меня, искренне Вас любящего друга и давнишнего сотрудника».

Василий Иванович Качалов принадлежит к тем художникам, которые, несмотря на успех и признание, постоянно и искренне сомневаются в своем таланте. А талант этот огромен. Именно умение актера творчески, самостоятельно мыслить, необыкновенная трудоспособность — вот что покоряет Горького, Чехова в Качалове. Что бы ни играл Василий Иванович, будь то Петр

Трофимов, Чацкий, Каренин, Глумов, Пимен, Бранд — он не повторялся и каждый раз находил что-то новое, свое — качаловское.

Примечателен в истории русского театра эпизод, показывающий ту силу обаяния, которой Качалов

наделил Протасова. Премьера спектакля «Дети солнца» А. М. Горького, состоявшаяся в дни первой революции, сопровождалась небывалым происшествием. Вот как об этом писал Качалов:

«Когда по ходу пьесы перед финалом на сцену ворвалась толпа статистов, изображавших бунт против холеры, и М. Н. Германова, игравшая Елену, выстрелила по направлению к толпе, а я упал, произошло нечто совершенно неожиданное, невообразимое. Публика приняла вбежавших статистов за черносотенцев, ворвавшихся в театр избивать нас, и решила, что я — первая жертва. Поднялся неимоверный шум. Часть зрителей бросилась к рампе, желая помочь нам, другая — к выходным дверям, чтобы спастись бегством, или те, кто посмелее, — взять оружие из пальто и с ним поспешить к нам на помощь. Кто-то закрыл занавес. Когда занавес открыли, раздались крики: «Качалов, встаньте!» Я встал, показывая, что жив, и затем снова ложился».

Для многих было открытием Качалова в день премьеры «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова: Василий Иванович играл Никиту Вершинина. Играть сурового таежного партизана после чеховских героев, после сказочного Берендея, скорбного Гамлета — казалось невозможным. Многие не верили в успех, в том числе и автор пьесы. Но когда Качалов вышел на сцену в роли Никиты Вершинина, Вс. Иванов был удивлен: «откуда, на основании каких внешних наблюдений, описаний пришел Василий Иванович к тому актерскому результату, который я увидел... Ка-

чалов создал фигуру партизанского вожака, исполненную монументального величия, пафоса, внутреннего обаяния, и я... был захвачен монументальностью фигуры Вершинина». Никита Вершинин у Качалова был вполне народным образом высокоодаренного русского человека. Большой ум, сердце, чуткое к правде и неправде, роднят Вершинина с основными героями творчества Качалова.

Вера в человека, в безграничность его возможностей, утверждение на земле всего доброго, разумного, гимн солнцу — были лейтмотивом всего творчества Качалова. Он внес просветление в мучительную трагедию мысли Ивана Карамазова, когда читал знаменитую главу про «клеящие листочки», и с гневным толстовским вызовом обрушился на мир «обмана, выдумки и несправедливости», когда он «от автора» вел спектакль «Воскресение».

Значительная часть деятельности Василия Ивановича была отдана концертной эстраде. Его встречали также горячо и благодарно, слушали, как всегда, затаив дыхание: то прозрачно чистого и щемяще грустного Есенина, то мощную и тонкую музыку Блока о России. Качаловский концертный Гамлет освободился от былой пассивности «мировой скорби» и приобрел самостоятельную мужественность и действенность несломленной веры в человека. В последние годы жизни Василий Иванович Качалов заставлял забывать зрителей о своем возрасте, с триумфом играя Чацкого, достигнув в этом образе полной гармонии лирической задушевности и гражданской страстности. Для концертных выступлений Василий Иванович готовил и такие шедевры мировой классики, как «Эгмонт» Гете, «Прометей» Эсхила, «Манфред» Байрона, «Ричард III» Шекспира.

В суровые дни Отечественной войны искусство Качалова на сцене и на эстраде с вдохновенной силой славilo человека — борца за правду, за истинную человечность.

Имя и творческий облик Качалова всегда будут близки и дороги как его современникам, так и потомкам.

Х. АМИРОВА.